

М.А.Дризо. Автопортрет

"Беспощадная умница" – карикатурист МАД

Вера Терехина
(Москва)

В день рождения художника М.А.Дризо 15 июля 1942 года в дверь его парижской квартиры постучали. На пороге стояли два немца, один в форме полевой жандармерии.

– Вы рисовали карикатуры на Гитлера, Геринга и Геббельса? У вас должны быть рисунки...

"Поздравление" было неожиданным, хотя Михаил Александрович готовился к такому повороту событий с первых дней капитуляции Франции. Тогда закрылась ежедневная русская газета "Последние новости" и он, ее постоянный сотрудник, собрал около трехсот оригиналов рисунков и спрятал их в подвале редакции журнала "Марианн". У политического карикатуриста с тридцатилетним стажем не возникало иллюзий по поводу довольно прозрачного псевдонима "МАД", которым (по первым буквам имени) он подписывал свои работы. Слишком хорошо он был известен как автор 12 эмигрантских изданий, в том числе журнала "Иллюстрированная Россия" (работал в 1924-39 гг.), газет "Руль" (1923-30), "Возрождение" (1925 -30), "Последние новости" (1930-40), 17 французских газет и журналов начиная с "Фигаро".

М.А.Дризо принадлежал к тому поколению выходцев из Одессы, которое многообразно проявило себя по обе стороны границы Советской России. Он родился в 1887 году. Окончив реальное училище, поступил на юридический факультет Новороссийского университета. Однако после получения диплома юноша оказался не начинающим адвокатом, а бывалым газетчиком, потому что в "Одесских новостях", "Одесском листке", "Южном обозрении" печатался с 1908 года, будучи студентом. Редактор "Южной мысли" Л.Камышиков так вспоминал об этой метаморфозе: "Совершенно случайно в тот самый день, когда Уточкин принес в редакцию свою статью о полете, ко мне пришел молодой красивый

студент и со смущением предложил мне посмотреть его работу. Это была карикатура на Уточкина, и очень удачная. Карикатура была помещена вместе со статьей Уточкина в том же первом номере "Южной мысли"¹. Рисунки и остроумные подписи М.А.Дризо вошли в жизнь одесситов: их пересказывали как свежий анекдот, на них ссылались как на документ, их ждали как своеобразную городскую хронику.

Возможно, год за годом карикатуры МАДа составили бы веселую книжку о местных нравах, но началась мировая война, революции, гибель старой империи и возникновение новой... Именно тогда проявился его талант политического художника, создающего запоминающиеся типажи (русский солдат, немец, француз) и образы на основе портретного сходства (Керенский, кайзер Вильгельм). Интересно, что Ленина он рисовал по краткому описанию, не имея еще фотографий нового исторического деятеля. Первый шарж МАДа был посвящен приезду Ленина в Россию в немецком вагоне. Художник гротескно заострил скуластость лица и позже сохранял этот точный прием. Частым персонажем карикатур был Троцкий. На одной из них Троцкий обращается к группе вооруженных людей: "Товарищи китайцы и латыши! Можем ли мы допустить, чтобы иностранцы вмешивались в наши русские дела?"

Около 60 рисунков этого времени М.А.Дризо издал в Одессе в сентябре 1918 года в виде книги с хроникерским заглавием "Так было..." По свидетельству Марии Дризо, жены художника, единственный уцелевший экземпляр книги хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета². Его центральный сюжет – "Одинокая" – посвящен России. Скорбно глядит женщина в расшитом, но заплатанном сарафане, пуст кошелек, а вокруг суетятся почти не различимые лилипуты-демонстранты:

– Столько товарищей и так мало друзей!

— Нась сравнивають съ гангстерами... Какой абсурд! Гангстеры свою карьеру начинают в тюрьме, а мы ее там начали...

Рис. Мад'а

М.А.Дризо не принял "товарищей". В 1919 году он эвакуировался в Константинополь, оттуда уехал в Берлин.

Постепенно в пестрой картине эмигрантской жизни определилось собственное место художника. Его земляк Петр Пильский отмечал в рижской газете "Сегодня", что среди карикатуристов Русского Зарубежья (Ре-ми, Цивись, М.Линский) выделяется МАД – "строгий, прямолинейный, последовательный в своем упрямом гневе, несущий во всем своем творчестве оттенки высокомерия"³. Пильский сравнивал его с классиками этого жанра – художниками "Сатирикона" Щербовым и Радаковым.

Действительно, "сатириконская" традиция была особенно близка МАДу. Недаром он сохранял как реликвию короткую записку редактора популярного журнала Аркадия Аверченко от 6 марта 1912 года: "Очень желаю встретиться с Вами на суровых страницах 'Сатирикона'"⁴.

Но помимо политической и антимещанской тематики их объединяло стремление работать для детей. Известно, что А.Радаков издавал детский журнал "Галчонок". М.А.Дризо создал свой журнал "Ванька-встанька" в Берлине в 1922 году для детей, оставшихся без родины, без родного языка, без привычного мира детства. Вместе с Г.Росимовым, соредактором, он пытался поддерживать маленьких изгнанников, научить их русскому языку и, значит, сохранить связь с отечественной культурой. Этой цели служила и книга "Живая азбука", в которой стихи Саши Черного сопровождались рисунками Михаила Дризо⁵. Название книги можно понимать двояко: "живая азбука" оттого, что ее герои – живые обитатели природы, и оттого, что обучение грамоте поэт и художник ведут "живо", без педантизма и ложной поучительности.

Буквам очень надоело
В толстых книжках спать да спать...
А – стал аистом, Ц – цаплей,
С – слоном... Прекрасный бал!
Я не спал и все до капли
Подсмотрел и записал...
Утром в дверь стучит художник
(Толстый, с черной бородой
И румяный, как пирожник), –
Это был приятель мой.
Вынул семь карандашей
И сейчас же всю ватагу
Срисовал для малышей.

В серии рисунков на темы двустиший Саши Черного проявилось композиционное мастерство, любовь к подробной об-

рисовке деталей, наблюдательность, лиризм, свойственные М.А.Дризо, но не востребованные в полной мере в газетной работе.

Популярность МАДа росла. Неожиданное подтверждение этому художник получил в редакции журнала "Иллюстрированная Россия"⁶. Это было письмо читателя:

Простите, что пишу без обращения – не знаю не только Вашего имени и отчества, но даже фамилии. А пишу то, что уже давно-давно хочется Вам сказать: какой Вы замечательный талант, какой блеск и какая беспощадная умища и как я рад, что Вы есть у нас (помимо даже всяческих политических пристрастий) и как дивлюсь, что все как-то все-таки равнодушны к этому (хоть и отдавая дань Вашему таланту). Позвольте от всей души пожать Вашу руку – и да сохранит Вас Бог!

29.IV.1929⁷

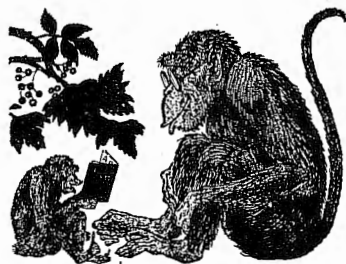
Ив. Бунин

Не только Иван Бунин, но и Александр Куприн, Марк Алданов приветствовали творческую активность МАДа. В свою очередь художник много и с удовольствием рисовал известных писателей Русского Зарубежья. Таков лаконичный, но глубокий по замыслу графический портрет Дмитрия Мережковского, на котором мыслитель словно готовится объять необъятное. Иначе построен шарж на Зинаиду Гиппиус. Он многослоен, насыщен деталями. Художник не только создавал образ, но использовал уже существовавшие представления о писателях. Например, иронически переосмысливая известные строки Константина Бальмонта: "Хочу быть смелым, хочу быть дерзким, хочу одежды с тебя срывать..." Рисунок, изображающий Александра Куприна, портретно достоверный, основан на привычных атрибутах его образа.

Естественным полем, на котором художник, столь внимательный к человеческим характерам, мог проявить свое мастерство, был театр. Однако эта возможность появилась у М.А.Дризо только в 1939 году, когда известный режиссер-экспериментатор Н.Н.Евреинов пригласил его оформить свой спектакль. Ставилась пьеса Н.А.Тэффи "Ничего подобного", построенная на незатейливой истории с приездом американского родственника в маленький французский городок, где обитают русские эмигранты. Все торопится завоевать благосклонность миллионера, тот притворяется нищим, находит себе невесту, безразличную к деньгам, и увозит ее в Швейца-

САША ЧЕРНЫЙ
**ЖИВАЯ
АЗБУКА**

РИСУНКИ МАД

ИЗДАНИЕ «ОГОНЬКИ»
КЕЛЬН

рию на глазах обезумевшей толпы. Это была комедия нравов, сатирический водевиль, в котором каждый персонаж должен быть узнаваем, иметь "зрительный паспорт". О том, как протекала работа драматурга и художника, свидетельствует письмо Тэффи:

Вы меня спрашиваете о типах в моей пьесе. Как раз говорила об этом с Евреиновым. Вы правы – американцу хорошо дать круглые очки с черными ободками. Седоватые виски и очень румяную рожу. В последней картине нарядите его в клетчатую кепку, клетчатые, очень яркие носки, штаны гольф и безумного цвета галстук – какие-нибудь полосы зеленые и оранжевые [...]

У Густа какая-нибудь жилетка "фантази", галстук пестренький. Бруно – завитой барашком, на мизинце колючко, губки бантиком, галстук поэтический, фулярный, с развевающимися концами.

Вот приблизительно как они мне представлялись. Но Ваша фантазия даст, конечно, больше [...]⁸

Подробная проработка изобразительного ряда пьесы и очевидное совпадение взглядов драматурга и художника не могли не сказаться на успехе постановки: сохранились несколько положительных рецензий на спектакль русского коллектива под руководством Н. Евреинова.

Но все же основной страстью М.А. Дризо была политическая сатира. За сотрудничество с художником боролись ведущие газеты эмиграции. Когда встал вопрос о переходе МАДа из берлинского "Руля" в "Последние новости", редактор П.Н. Милоков писал ему: "Карикатура есть могущественное оружие политической борьбы, и в Ваших руках она, конечно, может служить таковой. Но именно поэтому необходимо, чтобы художник шел вровень с общим направлением газеты, выбирая соответственные темы, и трактовал их в этом настроении..."⁹

Художник принимал свойственные газетной публицистике пристрастность, партийную ориентированность. Однако и в этих рамках он действовал вполне самобытно, не ограничива-

ясь нейтральными, "проходными" темами, подмечал то, что скрывалось в тени газетных сообщений. Постоянным объектом сатиры было советское правительство. "Это не карикатура, а натура", – говорила Екатерина Кускова, построившая одну из своих статей на сюжете рисунка: "Недавно талантливый МАД в карикатурном виде изобразил заботы советской власти о населении:

– Советское правительство выписало из-за границы хлеб...

– Скоро оно начнет выписывать оттуда воду¹⁰.

В серии шаржей "Советские лики" он создал гротескные образы партийных и военных чиновников. Особенно выразительным был непременный герой многих карикатур – Сталин. "Взгляни на профиль обреченный, серпом и молотом точенный", – писал о нем фельетонист "Последних новостей" Дон-Аминадо. В дни советско-финской войны МАД нарисовал Сталина на Красной площади рядом с богатырским мечом, который безуспешно пытаются оторвать от земли Ворошилов и Буденный. Реплика Сталина: "Наш меч превосходен, но ни один из наших маршалов не в силах его поднять".

Заключение германо-советского пакта о ненападении стало поводом для цикла карикатур, разоблачавших лживость, агрессивность вовлеченных в этот фальшивый союз политиков. Под заголовком "Добрые соседи по Балтийскому морю" изображены Гитлер и Сталин с удочками, при этом Гитлер лихо захлестывает соседа, связывая его по рукам. Когда же Гитлер начал наступление в Бельгии и многое зависело от позиции СССР и Италии, МАД нарисовал Гитлера, чистящим сапог Сталина – "Щекотливое положение"...

В одном из сюжетов они ведут дружескую беседу: "Нас сравнивают с гангстерами... Какой абсурд! Гангстеры свою карьеру кончают в тюрьме, а мы ее начали..."

Уравнивая по многим позициям оба тоталитарных режима, МАД, безусловно, видел зловещий размах немецкого фашизма и его фюрера. В карикатуре "N1 и N2" он рисует Геббельса, говорящего Гитлеру: "Мой фюрер, Сталин подкапывается под Вас: ему не нравится, что общественным врагом N1 считают Вас, а не его".

Антифашизм М.А. Дризо был органичным и последовательным. Так, на рисунке "Иностранцы в Германии" посетитель книжного магазина, где висит портрет Гитлера, спрашивает: "Я ищу слово 'цивилизация', но не нахожу его в немецком словаре. – Это последнее издание, – поясняет продавец. – Вам нужен словарь, изданный до 1933 года". Рядом с обоб-

шающим сюжетом не менее убедительно выглядит сатирическая миниатюра: Геринг, безмерно толстый, самовлюбленный, увешанный значками, с маршалским жезлом в руке, а за его спиной разговор: "Эрзац фельдмаршала... – Единственный эрзац, в котором есть жир". Наконец, какое мужество проявил художник, изобразив Гитлера вздернутым на веревке! Этот номер "Последних новостей" (2 февраля 1940 года) был подвергнут цензуре, полосу с рисунками МАДа отрезали. С расширением военных действий на границах Франции обстановка накалилась, и 18 мая 1940 года, за несколько дней до закрытия газеты, на ее страницах появилась последняя карикатура МАДа: солдат взывает к Гитлеру, указывая на груды трупов: "Фюрер! Это и есть то, что ты называл жизненным пространством?" Тогда же М.А.Дризо попытался сохранить свои последние рисунки, спрятав их в редакционном подвале. Но безрезультатно, ибо работы эти пропали, а доносчик ограничился газетными вырезками. Художник скрывался, но в 1942 году был задержан "до выяснения обстоятельств дела". "Три дня" превратились в десять с половиной месяцев заключения в военной тюрьме Шерш-Меди. В камере, куда его поместили, содержалось 60 человек. Каждые две недели прибывали новые партии, уходили осужденные. Были и случаи освобождения, но крайне редко. В письме американским друзьям в мае 1945 года Михаил Александрович рассказывал:

Режим был очень суровый. Надзирателями были немцы, камеру мы содержали в чистоте, и зимой тюрьма отапливалась. Пища невозможная: две тарелки водянистого супа, 300 граммов хлеба, 10 граммов синтетического маргарина, а вечером – кусочек колбасы или ложка варенья. Каждые 15 дней мы получали из дому посылку, которая нас спасала, и свежее белье. Курить не разрешалось. Каждые три недели можно было написать одно письмо жене или родным. 2-3 раза в неделю разрешалась десятиминутная прогулка в тюремном дворе¹¹.

По свидетельству М.А.Дризо, свидания с женой происходили по разрешению военного суда не чаще, чем раз в 7 недель. При десятиминутном разговоре присутствовал франко-немецкий переводчик, который делал записи. Был и агент, понимавший по-русски и прятавшийся поблизости. "Доброжелатели" продолжали присылать рисунки МАДа даже тюремной администрации. Но более всего беспокоила неизвестность: предстоял военный суд.

Его адвокатом был мэтр Стрельников, один из немногих, кому разрешалось выступать защитником в германском военном суде. Однако встретиться им довелось только за восемь дней до процесса. "Мой защитник, – писал М.А.Дризо, – был настроен пессимистически. Он говорил жене, что спасти меня может только чудо... Но 'чудо' случилось: дело против меня прекратили. Военный суд не решился осудить меня за то, что я делал до примирения". Так, 25 мая 1943 года художник был выпущен на свободу – настоящая сенсация!

Действительно, открытое судебное разбирательство окончилось оправданием МАДа, поскольку закон не имел обратной силы и не распространялся на карикатуры, созданные в условиях войны Франции с Германией. Но автору выпала лишь короткая передышка. Решение военного трибунала противоречило не закону, а незаконной практике фашизма, и через полтора месяца последовал вызов в префектуру, где располагалось также отделение гестапо. Пришедшей вместо МАДа жене французский чиновник сочувственно объяснил, что если явится сам М.А.Дризо, ему не миновать нового ареста и что его еврейское происхождение на этот раз уже не будет проигнорировано. "Два часа спустя меня уже не было в Париже, – рассказывает художник. – Несколько месяцев мы с женой провели в окрестностях Парижа, а затем скрылись в 'маки', в маленькой деревушке департамента Ньевр, где мы оставались до освобождения. 'Резистанс' снабдило меня поддельной французской карт-д-идантитэ..."¹²

После падения фашистского режима М.А.Дризо включился в работу Союза русских писателей в Париже, однако такой значительной политической трибуны, какой была газета "Последние новости", больше не возникло. До самой смерти ху-

дожника в 1953 году его рисунки появлялись в основном во французских изданиях. Остались рассеянными в периодике остроумные карикатуры и подписи, которым, по словам Тэффи, мог позавидовать любой фельетонист. В Бахметевском архиве хранятся оригиналы "Живой азбуки", типоажей спектакля "Ничего подобного", дружеских шаржей на писателей Русского Зарубежья... Пришло время собрать воедино и представить читателю внутренне целостный художественный мир М.А.Дризо, своеобразного летописца своего времени.

Примечания

1. Камышников Л. Над Одессой на воздушном шаре // Бюллетень Одесского землячества. Нью-Йорк. 1953. №6. С.7.
2. МАД. Так было... Карикатуры. Одесса: изд-во "Жизнь". На книге дарственная надпись жене художника: "Моему самому строгому, но любимому критику – мою первую книгу от Миши. Сентябрь 1918".
3. Цит. по газетной вырезке. См.: Coll. М.А.Дризо. Box 2. Rare Books and manuscripts Library at Columbia University. Bakhmetev Archives.
4. Coll. М.А.Дризо, box 1.
5. Саша Черный. Живая азбука. Рис. МАДа. Берлин: изд-во "Огоньки", 1922.
6. О работе М.А.Дризо в "Иллюстрированной России" см. т.2 наст. изд.
7. Coll. М.А. Дризо, box 1.
8. Там же.
9. Там же.
10. Кускова Ек. Водицы бы!.. // Нов. русск. слово (Н.-Й.). 1934, 2 июля.
11. Нов. русск. слово. 1945, 24 мая.
12. Coll. М.А.Дризо, box 1.

Новоселье

1
НЬЮ-ИОРК
1 9 4 2

"Скромное, но полезное русское дело"

(Из истории журнала
"Новоселье")

Леонид Юниверг
(Иерусалим)

Как известно, с началом второй мировой войны прекратили свое существование большая часть европейских русскоязычных издательств, а также почти все периодические издания, в том числе популярные эмигрантские журналы: "Современные записки", "Иллюстрированная Россия", "Путь", "Новый град" – и газеты: "Последние новости", "Сегодня", "Возрождение". Вот как охарактеризовал сложившуюся к 1941 году обстановку в научной и литературной жизни Европы М.А.Осоргин:

Мыслью и вниманием попробуйте перенестись сюда, в воюющую или отвоевавшую Европу, и вы увидите, до какой низкой степени упали культурные ценности, все без исключения¹ [...]. Совершенно перестали существовать и быть кому-нибудь нужными все науки гуманитарного порядка [...] Урон, наносимый культуре войнами, всего очевиднее сказывается на художественной литературе. Можно почти безо всяких оговорок сказать, что она в Европе прекратилась [...] Мосты, нас соединявшие, взорваны и обрушены, духовному общению положен конец².

Центр Русского Зарубежья переместился из Европы в Северную Америку. С приездом многих деятелей русской культуры совсем иной стала атмосфера литературно-художественной жизни русской общины Америки: выходили газеты, журналы и книги русских авторов; создавались литературные кружки; устраивались художественные выставки; на вечерах и заседаниях обсуждались различные литературные, философские, религиозные, реже – политические вопросы. Не случайно, что в 1942 году – почти одновременно – в Нью-Йорке возникло два журнала, руководимых бывшими пари-